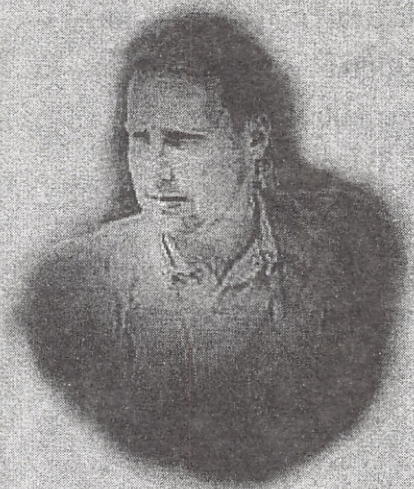

**ПАМЯТИ
ЛЕОНИДА
ЧЕРТКОВА**

**ПАМЯТИ
ЛЕОНИДА
ЧЕРТКОВА**

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ЧЕРТКОВА

Письма, стихи, фотографии,
архивные материалы,
воспоминания
Г. Андреевой
В.Хромова
Ст. Красовицкого
Г. Грудзинской (Барышниковой)

*Компьютерный набор – Марина Чудова
Макет – Ольга Нечаева*

© Авторы сборника - тексты, 2000 г.

Москва • 2000

Этот небольшой сборник-некролог «Памяти поэта Леонида Черткова» составлен из воспоминаний его московских друзей и некоторых Лёниных писем. Обе фотографии 1955 года принадлежат Гале Андреевой. Лагерные письма 1957-1960 гг., адресованные Валентину Хромову, и лагерное фото сохранились благодаря Минне Сергиенко.

Сейчас мы собираем стихи, прозу, статьи и письма Леонида Черткова, чтобы издать их отдельно.

Леонид Чертков. Москва, 1955 г.

Леонид Чертков родился в Москве 14 декабря 1933 года.

Учился в Московском библиотечном институте, Тартуском университете. Окончил Ленинградский педагогический институт.

С 1957 по 1962 год находился в заключении за «литературную активность» и реакцию на венгерские события 1956 года (статья 58, пункт 10).

Под псевдонимом Л. Москвин опубликовал в СССР около ста статей и научных работ (включая «Краткую литературную энциклопедию»).

Эмигрировал во Францию в 1974 году, преподавал русскую литературу в Тулузском университете, позднее — в Славянском институте в Кёльне.

Проза, стихи и статьи Черткова публиковались в журналах «Грани», «Ковчег», «Континент», «Гнозис», в «Антологии Гнозиса». Редактировал «Сборник стихотворений» Константина Вагинова (Мюнхен, 1982) и «Избранное» Владимира Нарбута (Париж, 1983). В Кёльне издал два сборника своих стихов: «Огнепарк» (1987) и «Смальта» (1997).

В Москве стихи Л. Черткова публиковались в журналах «Новое литературное обозрение» (№ 2, 1993 г.), «Новый мир» (№ 4, 1994 г.), в книге «Самиздат века» (1997 г.).

Умер Леонид Чертков в Кёльне 28 июня 2000 года от разрыва сердца.

Лёня Чертков

На первом курсе института на комсомольском собрании обсуждали мои стихи и нашли их безыдейными. Видимо, было такое поветрие, был конец 1952 года. Н. Горбаневская рассказывала мне позже, что примерно в то же время ее так же «прорабатывали» на филфаке МГУ. Перед собранием мой старый друг еще со школьных лет Миша Г. долго наставлял меня, как себя вести и что отвечать на предполагаемые вопросы. Мы, как обычно, бродили по Патриаршим прудам. Его советы были умны и логичны. Казалось, с их помощью я легко отвергну эти неумные нападки. На собрании к безыдейным стихам добавилось, что меня видели в коктейль-холле и что я люблю Вертинского. Постановлено было: стихов не писать, в коктейль-холл не ходить. «Ну как, ты согласна?» Позабыв умные Мишины советы, я совершенно искренне ответила, что раз собрание так постановило, я слушаюсь, хотя, по правде говоря, не понимаю, почему этого делать нельзя. После долгой паузы предложили приставить ко мне старшекурсницу, которая будет меня воспитывать. Через несколько дней Игорь Можейко, легкий и общительный человек, которого знали на всех факультетах, сказал мне, что в институте есть литобъединение, куда мне и надо пойти. Получалось, что таким образом писание стихов можно легализовать.

Литобъединением руководил Гр. Левин, читавший нам в качестве образцовой поэзии Когана и Кульчицкого. Здесь мы все и познакомились — Стасик Красовицкий, Валя Хромов, Андрей Сергеев и Саша Орлов, чьи знаменитые стихи «Нет, не нам разряжать пистолеты» цитирует в своей книге Буковский, не называя автора. Стасик привел Олега Гриценко, Шатров пришел сам, а вот кто привел Лёню Черткова — не помню. Уроки Гр. Левина нас забавляли, но беседы между собой казались более содержательными, так что заседания наши продолжались где-нибудь на бульварах, а потом и вовсе перешли ко мне на Б. Бронную.

Вскоре обнаружилось, что Чертков знает поэзию и вообще литературу лучше нас. Он приносил перепечатанные сборники

Нарбута и Оцупа, Ходасевича и Кузмина, прозу Чайнова; мог долго и интересно рассказывать об этих авторах. Он много времени проводил в библиотеках и рассказывал потом о своих изысканиях.

В компании не было полного единодушия. Лёня иронически отнесся к Шатрову, а Шатров периодически обругивал все наши стихи, отпуская язвительные замечания во время чтения. Лёня подружился с Андреем, хотя стихи его критиковал почти всегда. Впрочем, дружба эта часто прерывалась ссорами. Когда приезжали ленинградцы, их слушали, не отпуская никаких замечаний, но после их ухода разносили в пух и прах. «Это не стихи, а ленинградское выпендривание». Почти так же отзывался Лёня потом и о Бродском, когда читал мне свою известную эпиграмму. На замечание о том, что эпиграмма его зла да и поэт сейчас в беде, он ответил: «Когда я был в лагере, ни одна собака обо мне не вспомнила, а из-за него столько шума». Эпиграммы он писал экспромтом, и были они остроумны и забавны. Все знают его «Князь Андрей и Лев Маркиз». Однажды после каникул Саша Орлов весь вечер рассказывал нам о своей работе в студенческом отряде. Лёня слушал и писал. «Вот я посвятил тебе две эпиграммы». Помню только их последние четверостишия: на мотив Вертинского —

Походкою веселой
под звуки радиолы
за юной скреперисткой я иду,
гляжу на эти формы,
даю четыре нормы,
а женская бригада
унеслась вперед, —

и второе:

Так оправдай, студент, доверие знакомых,
откликнись на призыв и будь к труду готов,
пускай тебе дадут путевку от райкома,
пускай учеником пошлют на Лихачев.

Иногда мы посещали другие литобъединения. В ЦДКЖ было одно, которое всерьез называлось «Вагранка», там мы ничего не читали, только потешались и обменивались шуточками, а когда к нам приходили некоторые поэты со своими стихами, Лёня говорил: «Ну чистая «Вагранка».

Мы часто бродили по Тверскому и переулкам, читали свои и чужие стихи; Лёня рассказывал о сложных отношениях с отцом: тот роется в его бумагах и считает, что стихи до добра не доведут.

К официальной литературе отношение было непримиримое. Как-то Гр. Левин предложил дать мои стихи в какой-то журнал, и Лёня заметил: «А ты подумала, в какой компании ты там окажешься?» Когда Андрей читал нам свои переводы из Прокоса и Фроста, их дружно хвалили, но когда стало известно, что он их печатает, пользуясь поддержкой Зенкевича и Слуцкого, Чертков счел это возмутительным присоединением к официальнойщине. Я пыталась возражать, что Зенкевич человек приличный, а переводы очень даже хороши, но мне было сказано, что мы должны оставаться от всего этого в стороне и в чистоте, так как только у нас есть что-то настоящее.

В начале марта 1953 г. шли мы поздно вечером по Тверскому: Лёня, я и еще двое друзей. От памятника Тимирязеву начиналась очередь, тянувшаяся через весь бульвар. «Встанем» — предложил Чертков. За час с лишним мы не продвинулись ни на шаг. Было очень холодно, и все решили отправиться на Арбат. В полупустом кафе выпили коньяку. На следующий день меня вызвали в комсомольский комитет, и тот же деятель, что прорабатывал меня на собрании, выговаривал мне, как же это в такой день мы посмели идти в кафе. Я оправдывалась: «Замерзли, решили согреться». Конечно, потом мы долго обсуждали, кто бы мог за нами следить, а Лёня заметил: «Надо было сказать, что это были поминки».

После венгерских событий Чертков ждал больших перемен. Во время наших прогулок он говорил, что теперь весь этот гнусный обман должен разрушиться и все поймут, в каком зле мы жили. Уже написаны были «Итоги». Друзья стали ходить к разным известным поэтам — Мартынову, Крученыху, Асееву, даже, кажется, к Пастернаку. Мне эти визиты представлялись неуместными. «Вы как будто ищите одобрения этих людей, ты же сам недавно считал, что мы самостоятельные поэты, что нам никто не нужен». Лёня объяснял: «Мы же им доставляем большое удовольствие, они чувствуют себя мэтрами, а интерес у нас чисто исследовательский». Потом читали отрицательные отзывы Заболоцкого на все свои стихи. Над этими рецензиями посмелись, впрочем, они того и заслуживали.

На заводе Густава Листа появилось литобъединение «Красный факел». Мой школьный друг Миша Г. сразу предупредил, что ходить туда не следует — там всех берут на заметку, но ребята туда ходили и рассказывали, какая там свободная обстановка и какие смелые стихи там читают: «Сразу видно, что времена изменились».

После лагеря Чертков пришел однажды ко мне со своей женой Таней Никольской. В этот вечер у меня сидели незнакомые ему люди и поговорить о его делах не пришлось. Спустя несколько дней мы случайно встретились на Пресне, он сообщил, что уезжает в Ленинград, будет учиться в Тартуском университете, где самая передовая филология и самое серьезное литературоведение, что ему заказывают статьи для Литературной энциклопедии.

Потом я была в Ленинграде у Бродского, мы с ним подружились еще в Москве. Стояли белые ночи, мы бродили по набережным, и я спросила, нельзя ли повидаться с Лёней, я знала, что они знакомы. Иосиф ничего не ответил, а ленинградские друзья потом объяснили, что если кто общается с Бродским, никак не может общаться с Чертковым, и наоборот.

Вскоре Лёня уехал за границу и последнее время жил в Германии. Говорили, что ему там не очень хорошо. Где-то преподает и почти ни с кем не встречается. Сохранилось одно его стихотворение, не включенное им ни в «Огнепарк», ни в «Смальту», из очень ранних, написанное белым стихом. Может быть, стоит его вспомнить, и это не будет нарушением «авторской воли», ведь он сам любил отыскивать неизвестное и неизданное.

Этой белой осенней ночью,
Когда в роще свирепствовал ветер,
Я видал, как звезда упала.
В ту минуту в крапиве за домом
Я услышал крик человека.
Я хотел подняться с постели,
Только ты меня непустила,
Мне закрыла веки губами
И сказала: «Останься, милый,
Пусть кричит, нам какое дело».
Только ночью мы плохо спали
И по нескольку раз просыпались.
Он утих только к полуночи
И потом уж не начинался,
Лишь немного плакал к рассвету.
А на утро, когда я вышел,
Ничего во дворе не заметил.
Только кто-то, быть может ветер,
Оборвал бельевые веревки
И погнул нам колья забора.
Он кричал и следующей ночью.
Или это был сумасшедший,
Или тот, кто нам зла желает,
Или глупый мальчишка из местных.
Или просто вредная птица.
Но сегодня я был смелее,
Я поднялся с теплой подушки,
Я спросил дробовик и, выйдя,
Разрядил его в сторону крика,
И на время крик прекратился.
А на утро жена собралась
И ушла на лесные порубки
Поискать для кухни лучины
И вернулась к заходу солнца.

А домой принесла не лучину,
А лишь желтый китайский корень,
Он был тепл, как ладонь человека.
И сказала: «Ты будешь
Нашим желтым мальчиком Женем».
Так родился у нас ребенок.
Он ушел от нас той же ночью,
И мы слышали слабые всхлипы,
И ребенок лежал бездыханный.
При свече у него на теле
Я заметил следы дровинок.
За окном кружатся снежинки,
И узоры ложатся на окна.
Он лежит обмытый, белесый
В деревянном и влажном кувшине,
И собака его боится.

ВАЛЕНТИН ХРОМОВ

Сейчас принято говорить: где-то в районе таких-то годов. Время переводят в горизонтальную плоскость, кладут в могилу, а оно — скорее вертикаль. Когда-то в шестидесятых мы с Лёней по-братски обменялись эпиграммами. Он сочинил:

Вот Хромов — искуситель-змей —
Разрушил сразу пять семей.

Каких семей? Я ответил:

Есть в блюде Леонид Чертков
Неуловимый привкус желчи.
Но я люблю его, как Черчилль
Любит виски
И кулинарные изыски.

Дружески нападать друг на друга мы могли, но не более того. Лёню арестовали в январе 1957 года. Меня стали вызывать на Лубянку. Допрашивали, угрожали. Потом, когда снова вызывали по делу Юры Галанскова, разговаривали гораздо вежливей.

Защищал Лёню, как мог. Даже излишне эмоционально. Сам мог бы за это загреметь. Но, видно, у органов была разнарядка только на одного. Я Черткова не подвел.

Работаю в космическом институте. Нищий оказался при деньгах. Командировки по всем городам, где есть люди с внутренним стержнем. Лёня говорит: «Будешь в В. — там у меня друг, с которым сидел. Парень — что надо, отличный джазист. В лагере лабал на расческе Армстронга, скрашивал всем жизнь. Передавай привет. Не будет места в гостинице — пустит переночевать...»

Я в В. Измученный оформлением бумаг в 13-ом отделе и цехами, бросил тяжелый портфель под кровать гостиницы и... «Нет рассудительных людей в 17 лет...» Пусть мне было больше. На полутемной улице пылал летний ресторан. Сквозь ромбики деревянной решетки, обвитой северным, никогда не плодоносящим виноградом, — танцующие пары под бесконечный «Караван». Двести грамм в графине. Еще двести. Милейшая официантка. Спрашиваю: «Не знаете ли Виктора К.?»

— Да вот он, главный в джазе!

— Тогда передай ему привет от Лёни Черткова...

Труба Виктора выкрикнула что-то невероятное. Теперь он — то со мной за столом, уставленным бутылками, то на сцене, где оркестр гремит. Ударник — в ударе!

Виктор вспоминает: Лёня в лагере был печником. Идет по зоне с тяжелым ведром глины, националисты из Львова ему кричат из своего барака: «Ты нашего Шевченку не баешь!» Печник-энциклопедия ставит ведро: побачим! И начинает: «Як умру, то поховайте / мене на могиле / серед степу широкого / на Україні милой...» Читает до конца.

Вспомнил я об этом нынешним летом, еще не зная, что Чертова больше нет, что уже «поховали» моего друга в Германии, в Кёльне.

СТАНИСЛАВ КРАСОВИЦКИЙ

Не так-то просто писать об умершем. Он прожил жизнь и ушел туда. И всякая мелочь в этой жизни значит лишь то для него, что значит для другой жизни. Мы же пишем о пройденной жизни как о всякого рода мелочах. Таков закон «воспоминаний». Но за этими «мелочами» чувствуется значение. Как часто это значение неиспользованных возможностей! Ибо то, что наполнено значением и жизнью на горизонтальной линии жизни, становится пустым и мертвым, если не пригодилось для пересекающей ее вертикали.

И оттого во всех так называемых «воспоминаниях» есть фальшь. Одно из любимых Лёниных стихотворений — Анненского:

То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч, --

кончается:

Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

Памяти Друга

Леонида Черткова я встретил в коридорах Института иностранных языков, где учился на переводческом факультете. Его привел А. Сергеев. Лёня всегда был одет в зеленое и серое, например — зеленая шляпа, рубашка хаки, серый пиджак; или серая шляпа, рубашка хаки...

В 1955 году летом Чертков, Сергеев и я отправились в Кижы. Добрались до пустынного тогда Петрозаводска, где в одном из редко расположенных его домов на берегу озера жил некий художник, которого мы посетили.

В Петрозаводске Сергеев оставил нас, и мы вдвоем достигли Кижей. Тогда там был только один жилой дом — сторожа. Ели только жареную картошку, так как на острове магазина не было.

Ларек снесли незадолго до нашего прибытия, ибо еще более незадолго до него остров посетил американский посол. По-видимому, власти стеснялись вида наших замшелых консервов. Зря. Свидетельствую, что они были лучше американских. Я бывал потом в Америке. Более того, в Москве я был знаком с одним французским дипломатом, который предпочитал наши консервированные борщи и пр. красивой западной синтетике. Но тогда мало кто это понимал (не исключая и властей).

Тогда купол Собора был еще под железным покрытием. Тогда еще разрушающая рука ученых реставраторов не коснулась Собора.

Обратный путь мы с Чертковым проделали по Мариинской системе на кораблике, который, оказывается, был конфискованной у румынского короля яхтой. В Череповце мы узнали, что незадолго до нашего прибытия там, на Рыбинском водохранилище, утонули студенты первого курса нашего института (то есть мои однокурсники). Среди них был красивый мальчик Склярский, лицо которого мне запомнилось. Был шторм, лодки опрокинуло (они шли на двух лодках). Но они бы выплыли, если б не «топляки» — то есть затопленные бревна лесосплава. Шторм метал эти бревна по озеру, и они убили студентов.

Чертков и Сергеев писали ернический роман о третьей мировой войне, атмосфера, скорее пророчески, напоминала наше время. Одним из героев был нищий по прозвищу Петька Подадут; военачальником был Декан Валентей, разъезжавший «на огромном пищеблоке». (Валентей был деканом нашего переводческого факультета). Чертков попросил меня подобрать эпиграф. Я пошел в библиотеку института, взял том Ленина, открыл наугад страницу и ткнул пальцем. Фраза подошла для эпиграфа: «А вернее не либо-либо, а и — и». Не знаю, куда девался этот интересный юношеский роман...

Чертков, Наталья Горбаневская и я отправились к Виктору Шкловскому. Черткова интересовал не только сам Шкловский, но еще более, по-видимому, его жена — вдова поэта Нарбута, которого любил Чертков (и о смерти которого в лагере он потом, будучи сам в лагере, написал рассказ). Помню небольшой кирпичный дом на лесной заснеженной поляне... Шкловский — милейший человек — угощал нас настойками. Подвыпив, Лёня говорил зажигательные поэтические и политические речи... Еще более зажигательные речи (всего лишь против посылки наших

добровольцев на Суэцкий канал — их и не послали) он произносил неосторожно в молодежном клубе «Факел». За это его и забрали. В день ареста я сделал удачную покупку в букинистическом магазине — «Столбцы» Заболоцкого — и шел к Лёне похвастаться. Я знал, что в этот день к нему приезжает отец. Мне открыл коренастый человек в коричневом костюме — слишком, как мне показалось, молодой для того, чтобы быть отцом Лёни. «Нет, я не отец его, — произнес он, с подозрением меня оглядывая, — и Леонида Черткова сейчас здесь нет». В это время у него шел обыск.

Связь с Чертковым разрушила (к счастью) мою переводческую (или дипломатическую) карьеру. Много раз меня вызывал в замок на Лубянке следователь Кремлёв (я думаю, что это была не настоящая его фамилия). Но я в то время мало чего боялся. У меня не было семьи и никаких особенных привязанностей. Я знал, что на Лубянке уже не бьют и не пытаются. Так чего бояться? «Чертков дал показание, — говорил Кремлёв, — что он в вашем присутствии утверждал, что якобы Великая Октябрьская революция была ошибкой». «Не помню», — ответил я. «Не помните? У нас есть средства проверить вашу память». «В таком случае, — сказал я, глядя в стальные глаза Кремлёва, — этого не было». Как не давшего никаких показаний, меня последним из числа свидетелей вызвали в зал суда, и я, к сожалению, почти не видел хода процесса. Меня даже не допросили в суде. «Зачем допрашивать Красовицкого, — спросил адвокат, — если он не дал никаких показаний?» Прокурор требовал четыре года; суд дал пять. Кажется, такое не часто бывает.

Из лагеря Лёня присылал мне много толстых писем. В них были очерки и рассказы. Он присылал их с тем, чтобы взять, когда вернется. Вернулся он румяным и окрепшим. Ему надоело утиное мясо. Заключенных кормили утками.

Ко времени возвращения Черткова мы с Хромовым переменили литературную ориентацию. Нас более всего стал интересовать Золотой век — то есть XVIII — начало XIX-го: Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Ржевский, Майков, Петров, Фонвизин, Попов, Богданович, Княжнин, Львов, Хемницер, Капнист, Державин, Костров, Карамзин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий; из современников Пушкина — особенно Тепляков, Туманский; конечно, вели-

кий Батюшков; и конечно, сам Пушкин. Чертков проникся этим настроением и открыл для нас другого любителя XVIII-го века — Чайнова (которым мы зачитывались потом в «Ленинке») и его друга искусствоведа Муратова.

Шумел, горел пожар Московский;
Дым расстился по реке;
А на холме у стен кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

Горел подожженный Хрущевым Арбат. И уже не Наполеон, а сатана, как казалось, стоял «в сером сюртуке» (в таком костюме он и изображен в немецком романе о Петере Шлемиле). Лёня жил на Собачьей площадке. После пожара Москвы он переехал в квартиру на окраине.

Помню, на Пасху он пришел ко мне на Валовую, и мы (то есть Чертков, я и моя жена) пошли на крестный ход к храму «Всех Скорбящих Радосте» на Ордынке. Лёня подпевал: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав...»

Ко времени своего отъезда за границу, он, кажется, несколько обижался на меня за то, что, по его мнению, я «предал поэзию»... Возможно, поэтому он попросил меня вернуть ему «на некторое время» (обман нетрудно было прочесть на его лице — хитрить он не умел) две пьески. В одной действие происходило в доме известного музыканта князя Андрея Волконского, одного из организаторов ансамбля «Мадригал», а другая называлась «Мясницкий, или Торжество принципиальности». Вторая, скопированная мною, сохранилась у меня. Что касается Волконского, то у Лёни была такая на него эпиграмма:

Князь Андрей и Лев Маркиз
Взяли сорок антреприз.
Усомнился было князь:
Как бы не ударить в грязь.
Но Маркиз сказал: «Смелей,
Не кручинься, князь Ондрей.
Ты же умный человек,
Хватит Бахов на наш век».
Так дурачат нас, ей-ей,
Лев Маркиз и Князь Андрей.

Когда Леонид собрался за границу, то я подумал: «Вот кому нужно туда ехать». Ибо он был величайший знаток русской литературы, должен был стать звездой, украшением и гордостью (так я думал) любого университета на Западе. Этого не случилось. Настоящие глубокие знания на Западе не нужны. Ценится только бойкая поверхностность и самореклама. «Здесь устраиваются одни прохиндеи», — писал мне Чертков. Будучи в Англии, я убедился, что широкая интеллигенция не знает не только русской, но и своей культуры. Шедевр Льюиса Кэрролла «Сильвия и Бруно» не читают и считают неудачным романом. Честертон почти не знают; я знал прямого потомка Киплинга, который его почти не читал... В Англии больше всего любят ненавистную мне (и моим однокурсникам по институту) «Сагу о Форсайтах». Те, кто пытается изучать русскую литературу, тратят свое время на какую-то ерунду... Если бы я это знал, я не посоветовал бы Лёне уезжать. Но он уехал, написав:

Рассказов обо мне чуднее не придумать,
Загадки естеству труднее не задать:
Полжизни отошло. На пройденное плюнуть.
Мое искусство жить — искусство наплевать.

Август 2000 г.

P.S. Что касается чисто поэтического мастерства, то я не встречал среди своих современников равных Леониду Черткову и Валентину Хромову.

Мясницкий, или Торжество Принципиальности

Мясницкий (*входя*)

Мясницкий я, известный либерал, —
я диссертацию сегодня защищал,
и вдруг Володька Крюгер выбегает...

Жена (*вбегая, громким шепотом*)
К тебе явились Крюгер и Гудо.

Мясницкий (*вздыхая*)

Ну, так и знал. Всегда одно и то же.

Входит толпа либералов во главе с Крюгером, Гудо и Дризенштоком.

Толпа (*нестройно*)

Он Крюгера Володьку засадил...
он засадил честнейшего Гудо...

(*приступая к растерявшемуся Мясницкому*)
Что скажешь в оправдание свое?

Крюгер (*неожиданным фальцетом*)

Сережа, как ты мог?!

Мясницкий (*несколько ободрившись, рассеянно в сторону*)

М-да, действительно, как я мог?

Дризеншток (*выступая*)

Да что об этом долго толковать!

Он на руку Муфлову играет,
он черносотенец под маской либерала.

Его судом товарищей судить.

Ты скажешь нам иль нет — как было дело...

Мясницкий

М-да. Встретил я Ерасова однажды...

Гудо (*медлительно*)

И здесь Ерасов.

Он служит, как известно, в БПН.

Под крышею одной Ерасов с Кривоштейном,
овца и волк...

Дризеншток (*выступая*)

Короче говоря.

Заслушав объяснения Сережи,
мы все их слышали...

(К Мясницкому, грозно.)

Ты к Кречетову метишь?

Мясницкий (*испуганно*)

Да что с тобой! Я прежний либерал.

У Кречетова хватит и Халифа.

Дризеншток (*удовлетворительно*)

И не антисемит?!

Мясницкий (*мелко крестясь*)

Ну, вот те! Какой антисемит?!

Мы

(*жест в сторону жены*)

«Анну Франк» на польский переводим.

Дризеншток (*к волнующейся толпе*)

Ну вот, товарищи, представим резюме:

хотя поступок юного Сережи

с честнейшим Крюгером и пламенным Гудо

вполне заслуживает порицанья, мы,

находясь на переднем крае борьбы с Муфлоновым,

не можем дробить ряды. Тем более Сережа

нам клятву верности от всей души дает...

Мясницкий (*радостью*)

Даю, даю.

Дризеншток (*продолжая*)

И чтоб не бросить черной сотне костью,

я предлагаю этот инцидент

замять для ясности.

Со мною, думаю, все согласятся...

Все (*включая Крюгера, Гудо и Мясницкого, хором*)

Да, да, конечно. Мы согласны.

Дризеншток (*в сторону, раздумчиво*)

Тем более его использовать мы можем.

Его и связи...

Мясницкий (*патетически*)

Друзья мои! В знак светлый примиренья

я приглашаю вас в ближайшую субботу

ко мне на выставку недельную картин

Володи Эльсберга...

Все либералы (*хором*)

Придем, придем!..

Твистуя и канканируя, удаляются.

ЗАНАВЕС

Г. Грудзинская (Барышникова)

Мы переписывались с Лёней Чертковым последние десять лет его жизни: с 1990 по 2000 год. Он, как известно, жил к этому времени в Германии, в Кёльне, где и умер этим летом. Писал он нечасто, так как много болел и хандрил, особенно последнее время, но открытки для писем всегда выбирал очень интересные и многозначительные. Их собралось у меня девять. Вот одна из них: Ян Брейгель (1568 – 1625), «Мышь и роза», на обороте только четверостишие, дата (почтовая) – 17.2.93.

JAN BRUEGEL (1568-1625)
Sorcio e rosa (Inv. 72)
AMBRONIANA - Piazza del M. 2, Milano

О мышь отидь дажно мариюна
О роза отидь мариюна мариюна
Казука - роза мариюна мариюна
Не каз - не роза мариюна

Л. Чертков

**Стихи из писем-открыток
1990-1999 годов**

*

Зачем на колесе есть лопасть?
Зачем в павлина верит курд?
Когда всех ум заводит в пропасть,
Тогда все ставят на абсурд.

*

Альдонса или Лорелея —
Чтоб получить ее венец,
Себя ни капли не жалея —
Сразить дракона наконец.

*

Толмачество и драгоманство —
Вот цех любимый сатаны.
Как Пифагоровы штаны,
Они топорщат все пространство.

*

Когда блокады слов чужих
Своих вам не дают промолвить
И вот язык — а он не вол ведь, —
Подчас с трудом слагает стих, —
Тогда ликует мелкота —
Мол — лихость у него не та, --
Уже венки на гроб с приветом
И всяк считается поэтом.

•

Холодный бенгальский троллев огонь,
Подсветка и нимб,
Как под всадником конь,
Когда остается одно — просверкать,
Под занавес напоследок подать,
Когда человек превращается в свет
И ничего под одеждою нет.

•

О, яд обид давно минувших,
О, боль отдавленных хвостов,
Казалось — навсегда уснувших —
Но кто-то их будить готов.

•

(на смерть А. Сергеева)

Действительно ль мой старый друг
Отплыл, усевшись на дельфине,
Едва не потонув в пучине,
В страну поэзий и наук?

Леонид Чертков

**Из лагерных писем
Валентину Хромову
1957-1960 гг.**

1

13.07.58

Валька, здравствуй!

Мне очень понравился стих твой «Родилась девка-головастик». Целиком. По-моему, лучшее из всего, что ты прислал. «Лес стоит» ты послал второй раз. А «Любить-люблю» тоже неплохое. Я давно выздоровел. Если приплетешь стихи Стась¹ — будет превосходно. А то он и раньше как-то стеснительно относился к своим творениям. Когда я отбыл, он находился, может быть, на самом высшем подъеме (до тех пор). «Маэстро», «Мой дедушка выезжал» и т.д. Последнюю вещь я впоследствии освежил в памяти при изменившихся обстоятельствах. Хотелось бы увидеть ее теперь. Кстати, не бывал ли ты у архитектора Мельникова? Помнишь, мы собирались. Интересно, чем он сейчас занят. Сборник Глазкова я читал — там есть только «Ворон», «Бюрократы каменного века» и строфа «официантки, как трамваи, когда их ждешь — то не идут». Остальное — мур. Что касается перевертней — то самое гениальное (без преувеличений) из этой области я слышал от своего приятеля-ленинградца Мишки Красильникова. Длиннейшая вещь сюжетная, очень логичная, без натяжек, и кончается: «А взят, язва! А в рук лес сел, курва!» Игоря твоего я помню, — из твоих рассказов, о нем же и стихи. Так, он как будто был на ком-то женат. Как у него устроилось с ней? Заработать 150 рб. в один прием на этой работе неплохо. Здесь это нонсенс. Слышал, что в Москве собираются устроить выставку отправляемых в Германию картин — нечто вроде 2-ой серии Дрезденки. Когда выставка будет — обязательно напиши. Посылаю тебе один стих из «Рюх», ты его еще не знал, да и другие не знали:

¹ Стась -- Станислав Красовицкий.

Дар

Я вынянчил в печи личинку пирога —
Кому как не тебе отведать оторочку, —
Напрячь коровяки по клину сапога,
И насосать назьмом зияющую бочку.

Дымящее казло печатал дырокол,
Сложив сухой дындып, я сделал ноги блямбой,
Задрав до головы горошковый подол, —
Она в густых кустах тебе дала за дамбой.

А чокнутый Чикун, треща, как медный гвоздь,
Готовил сикуна в своей вонючей спальне,
И лапидарная слеза, — горячий гость,
Как ссаки, натекла в отверстие готовальни.

Вот так. Жизнь идет очень быстро, и неприметно. Читаю новые рассказы У. Сарояна — есть очень занятные. Прочел роман Тынянова «Кюхля» — неплохо. А до этого — его же «Смерть Вазир-Мухтара» — эта — потрясающая. Если подвернется, прочти. Кинофильмы идут плохие. Знаменитые «Летят журавли» видел — и, конечно, были куски, которые не могли не понравиться, а в целом кино здесь плохое — очень. Очень редко покажут что-нибудь видовое «По дорогам Франции» или «Утро Индии». А новых иностранных и вовсе нет. Да видел ли ты в свое время в Москве фестиваль французских короткометражек? А во время фестиваля что-либо занятное? Напиши и о фестивальной выставке и о нынешней выставке молодых. Что там? В «Кюхле» есть место, когда к нему в крепость доставили старые журналы, и он от нечего делать писал рецензии на давно написанные вещи. И хвалил, как начинающих тех, которые давно кончили. Время для него остановилось. В ослабленной степени это верно в отношении ко мне.

Вот так-то. Пиши. Привет Минон.

С приветом

Лёня.

P.S. От нечего делать посылаю свои фотографии с ленинград. живописцем Родионом Гудзенко. Я тогда хотел было отпустить бороду — и поэтому ужасен.

22.12.58

Валя, здравствуй!

Спасибо за поздравление. Также задним числом поздравляю и тебя. Ты ведь тоже в декабре. В твоих стихах хорошие куски. А «Пустынный череп космогона» хорошо все. Но что такое «симаны-гулиманы»? «Мекал» — мне слово нравится, кстати, оно и старорусское, — о чем я узнал лишь впоследствии. Вообще язык сложная вещь. Так, футуристы выдвинули термин «сдвиг», и Маяковский им бравировал. А у него самого я нашел случайно сдвиг и отчасти позорный — «занежен в аблакаты» из «Необыч. прикл», — как раз в духе Крученых. Только сейчас толком прочел первый том Велимира. Очень понравились «Ладомир», ранние мифологические поэмы, «Ночной обыск». Кстати, не видел ли ты больше Алексея Николаевича¹? Напиши о нем подробнее — чем он занимается, что из себя представляет. Пруста я читал в таком порядке — т. 1, т. 4, т. 2 — последний здесь. Он неплох. Но с Джойсом я его не сравниваю, т. к. Пруст, по сути, не новатор. Какие, кстати, куски Джойса ты читал? Баха сам я большой поклонник. Щедриным увлечение я уже отчасти пережил. А вообще у него, и особенно в «Истории» поразительные прозрения есть, и написано ничуть не хуже Свифта, «Лапута» которого, впрочем, интересна тоже. Другие же вещи Щедрина, напр. «Соврем. идиллия» уже патологичны, и вызывают подчас отвращение. Да, Булатов. А что он, интересно, писал в последнее время? Я видел его иллюстрации в ж-лах, плохие, и в частности в «Современном Востоке». Там же помимо его обосновались Грисман, Лёня Седов — т. е. самая шушера. В «Сов. фото» — я видел один номер — была превосходная вещь Родченко «Портрет матери». От Харторильда, который мне в свое время нравился, я теперь далеко не в восторге. Он очень примитивен. С женой С. Кика² крутил еще при мне. Трудно сказать, насколько твоя фамилия — среднее между тремя приведенными понятиями — поищи в других языках. Инфант³ — не здесь. Читал новое издание «Амер. новеллы», где гениальный рассказ

¹ *Алексей Николаевич* — поэт-конструктивист Чичерин.

² *Кика* — поэт Николай Шатров.

³ *Инфант* — Никита Кривошеин, какое-то время сидел вместе с Лёней Чертковым в мордовском лагере.

Г. Мелвилла (автор «Моби Дика») — «Писец Бартлби», нечто вроде «Двойника» Достоевского — общее в манере, сюжет же другой. Занимаешься ли философией. Из современных западных, как я недавно установил — наиболее интересен Карл Ясперс (ФРГ), — в прошлом психиатр в сумдоме. Пишет очень ярко, афористично. На него очень подробная критика в новой книге Г. Менье «Очерки о философии современного экзистенциализма». Вышла недавно книжка «Тибетские народные песни» со статьей и переводами сына Гумилева — не видал ли ее. Недавно прочел несколько рассказов Голявкина — некоторые забавны, — но ничего нового. Джером Джером, Аверченко (дореволюционный). Формально неинтересно вовсе. Короткие вещи плохие. Читал ли ты пресловутые лекции Сельвинского? Что такое Клёнов, — что у него за стихи. Вот, собственно, пока и все. Новые стихи я на-днях послал Стасю. Читал ли ты «абэриутов»?

Всего наилучшего. Пиши.
Привет Минон.

Лёня

Конверт письма Л. Черткова из лагеря

Валя, здравствуй!

«Блины икон» мне понравились, перевертень меньше, — хотя в нем есть пафос — «равнять и пить январь» прямо из «Сестры моей жизни». Посылаю также свою карточку с Михой — снялись на днях.

Судьба Панкратова мне представляется закономерной, все возвращается на круги своя, то и дело встречаешь статьи, где приветствуется его раскаяние. Был ли ты на выставке Лео и Ганса Грундигов — судя по рецензиям, там были интересные экспрессионистски вещи. Аввакум сам по себе очень хорош, читал я его еще в институте, мне правилось, — интересно его рассуждение о немецком письме икон (название не помню), где осуждается очеловечивание святых. Антипод его Никон личность не менее яркая. Чего стоит хотя бы его Новоиерусалимский храм, построенный по его проекту, и разрушенный в войну. Знаешь ли ты его, — постройка потрясающая. Прочел (кстати об эпистолярном стиле) интересную книгу М. Гершензона «Грибоедовская Москва» — собственно это свод семейной переписки Римских-Корсаковых с кисло-сладким комментарием автора — но письма местами поразительны. Кстати, не можешь ли прислать пару фотографий с вещей Целкова — а то я о нем имею самое приблизительное представление. В М-ве он кажется самый интересный. Кстати о «дупле», по-латышски это «дырса» — тоже достаточно выразительно. Насчет Шкловского — в его «Дневнике» — спрашивают меня, кто я — критик, прозаик, эссеист? — а я никто — я вроде Михаила Чулкова, и то и се. Прочел две последние его книги «За и против» (о Достоевском) и «О прозе рус. классиков» — обе вещи малоинтересны. В общем, он выдохся. Некоторые места представляют познавательный интерес. Получил из Тбилиси монографию о Гудиашвили — больше всего понравились вещи 20-х гг., графика посл. лет (сатирическая), эскизы фресок. Что слышно о Красовицком и других — что поделявают?

Ботаник Х.¹ явление не только яркое, но и с интересной лит. традицией. Он по сути дела реставрировал русскую романтическую повесть начала прошлого века — В. Титов (псевдоним Тит Космократов), Одоевский В.Ф., Кюхельбекер, Погорельский,

¹ Ботаник Х. — писатель А.В. Чайнов.

*Л. Чертков в лагере.
Мордовия,
Пасха 1958 г.*

Вельтман и возможно Марлинский — но этого я не читал ни строчки. Читал ли ты? У Ботаника Х. еще превосходна «Венедиктов или странные события жизни моей». Не знаешь ли ты что-либо о его дальнейшей судьбе, жив ли теперь?

«Одеты камнем» и «Города и годы» здесь я прочел — вещи обе интересные — впрочем, с изъянами — Федин напрасно считает себя знатоком немецкой жизни, Форшиха же ужаено пишет о крепостничестве. Но прочесть стоит. Будешь ли ты в М-ве в июле — в середине его тебе позвонят. Что вообще думаешь делать летом — напиши. У меня все по-прежнему. Работа сейчас легче. События же все местного значения. Читал ли ты книжку Г. Котошихина «Россия в царствование Алексея Михайловича» — это первый русский невозвращенец того же времени, более интересная личность, чем Курбский. Пасквиль свой написал о Швеции, но кончил плохо — был убит мужем своей любовницы. Из древностей интересно также издание «Русский театр XVII века» — очень забавные прибаутки карусельных дедов. Вот пока и все.

Привет Минон.

Лёня

P.S. Что интересного в кино? Видел ли «В квартале Порт де Лиля»? И просьба — не можешь ли достать брошюру для заочников МГУ 1956 г. Шкуринова «П.Я. Чаадаев. Жизнь и деятельность» — она может быть у кого-либо из студентов. Кстати, читал ли ты «философические письма» — если нет, прочти обязательно. Масса интересного со всех точек зрения.

Ваше открытие!

22.12.58.

Сначала за рассмотрение. Потом только затем посылать себе. От
Вашего письма в глаза. А в нем очень хорошее впечатление. А "некоторые" ре-
комендуя "хорошо бы". Но это тоже "хорошо-хорошо"? "Хорошо" - мне
само нравится, потому что и подпорочку, - о том, я уже много раз
написал. Потому что сам очень боялся. Так, потому что "хорошо" очень
"хорошо", и "хорошо" на "хорошо". А у нас сейчас и "хорошо" очень
"хорошо" и "хорошо" очень - "хорошо" в "хорошо" "хорошо" "хорошо",
что я в "хорошо" "хорошо". Потому что так "хорошо" "хорошо" "хорошо"
"хорошо". Мне очень нравится "хорошо", потому что "хорошо" очень
"хорошо" "хорошо"? "хорошо", не "хорошо" или "хорошо" "хорошо" "хорошо"
"хорошо"? "хорошо" о нем "хорошо" - там он "хорошо", но мы уже "хорошо"
"хорошо" "хорошо" и "хорошо" в "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо"
"хорошо". Но "хорошо" и "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо"
"хорошо" "хорошо", потому что "хорошо" "хорошо" "хорошо"? "хорошо" как и "хорошо" "хорошо"
"хорошо". "хорошо" "хорошо" "хорошо" и "хорошо" "хорошо" "хорошо". А "хорошо" и "хорошо",
и "хорошо" и "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо", и "хорошо" "хорошо"
"хорошо" "хорошо" "хорошо", "хорошо" "хорошо" "хорошо", "хорошо" "хорошо" "хорошо".
"хорошо" и "хорошо" "хорошо", "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо" "хорошо"
"хорошо" "хорошо" "хорошо". Да, "хорошо" и "хорошо" "хорошо", "хорошо" "хорошо"
"хорошо"? и "хорошо" его "хорошо" в "хорошо", "хорошо". - В "хорошо" "хорошо"
в "хорошо" "хорошо". Там же "хорошо" его "хорошо" "хорошо",
"хорошо" "хорошо" - о. е. сам же "хорошо" "хорошо" и "хорошо" "хорошо" - и "хорошо" "хорошо"

номер - она и родственная вещи Розинко, "портрет матери": 05. Харизма
да, которая мне в свое время нравилась, а теперь далеко не в восторге. Он
очень приемовел. С темой С. Милка иронич еще при мне. Прошу ска-
зать, насколько это правильно - читать между тем приведенными полами
попытки в форме эпиграма. Иронич - не здесь. Знаю, что это "Амер. по-
велем", где тематический рассказ Г. Мелвилла (эпопея "Мой друг") -
"Кисей Вальсвальд", и что это "Второй том "Воскресшего" - отнее
в камере, сколько же друзей. Занимались ли философией? Ну, конечно
не знаешь, или о нем было упомянуто - наиболее интересен Карл Я-
керс (ФРГ); в прошлом писатель в ссылке. Книжки очень много, афориз-
мы. Какое от. по поводу критики в новой книге Г. Мензе, "Сор-
ки с философией современного индивидуализма". Книга не в
но книжка "Пятьдесят парочек песен" о совет и переводили
слова Зинкель - не была ли ей: Недавно прочел несколько рассу-
гов Зинкель - несколько удивит, - но ничего нового. Зинкель Этно-
граф, Австрия (Югославия). Формально не интересны вовсе.
Короче все же больше. Знаю ли от. прекрасные книги Селвин-
ского? Это о нем Клейн, - да, но, не о нем. Вот, собственно, по-
ма и все. Новые книги и на днях послал тебе, и от. аббревиатура?

Всего наилучшего. Милка.

Привет Милон.

Лена.

Письмо Л. Черткова к В. Хромову из лагеря

Здравствуй, Валя!

О приокских и суздальских местах сам лелеял мечту, но быть — не был. Ездил ли в Л-д? Со Стасем нечто странное — я ему писал, совсем недавно, от него же получил каталоги югосл. и амер., за которые, кстати, очень благодарен. Был ли ты на ам. выставке и фестивале? Каковы твои впечатления? К сожалению, в каталоге и печати из произв. исск-ва ничего особенно хорошего не репродуцировалось. Что делает в М-ве Сэндберг? Не собираются ли его издавать, и каково здесь участие Сергеева? Пренебрежительную заметку о нем в «Литературке» (без инициала!) видел. Интересны твои сообщения о художниках. Конечно, интересуется Кулаков. Краснопевцева видел какие-то иллюстрации, Вейсберга — что-то на выставке, бледное. Читал ли ты сердитый роман Уэйна «Спешите вниз» — в «Н. мире»? — очень забавен эпизод с модернистом Фрозлишем. Вообще же чуть лучше «Счастливица». Что ты скажешь о Поллаке? Фигура сейчас эта, по-видимому, наиболее интересна, но я ничего не видел. Занялся собиранием нобелевских лауреатов, — напиши, кого знаешь, и за какие годы (может всех) для некоторых обобщений. В Белом был твой листок черновика, показывающий работу поэта Хромова над рифмой, — «Поэзия суть зуд». Прочел позорную (и конечно превознесенную Сергеевым) книжку «Середина века». В предисловии под занавес что-то <прзб> о новейших открытиях Луг-го в области белого стиха, в инструментовке, аранжировке, — думал, что все это проглотят. Все мало-мальски сносное из книжки можно выписать на тетрадной странице в линейку. Думаю, каждый из нас в течение часа-двух мог бы написать одну или несколько поэм Луговского. Издается господин Голявкин — детские рассказы. Л-д стоит не только на Рейне, но и на Уфлянде и г-не Голявкине. Нет ли у тебя каких-либо кинофестивальных программ. Как-то обещал прислать что-либо из стихов Элиота, Паунда — пришли, я сейчас вновь возобновил эти занятия, и, наконец, дочитываю до конца свои антологии. В сб-ке Ит. поэтов умиляет строка (о дне) — «он плачет и томится, словно Горький. Я весь опутан крыльями газет...» В другом итальянском стихе «И солнце / твою страну целует, Заболоцкий». Видимо это в традициях итальянцев. По-

русски же достаточно глумливо. «Мирный Тютчев», если помнишь». О Заболоцком, кстати, бывшая моя соученица в Биб. ин-те написала статейку в «Вопросах лит-ры». Пошел по рукам. Статью не читал, но полагаю, дурацкая. Перечитывал Грибоедова — и «Горе» хорошо и отрывки из «Груз. ночи» и «1812», и др. мелочи напр. — о домовом (прямо диалог с Аглаей Стася):

Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочет.

Вот так. Работы сейчас мало, не пишется, лежишь, размышляешь, и вообще чувствуешь себя как на затянувшейся институтской практике. Две трети через 9 месяцев. Вот тебе стишок — средний:

Время не имеет цены,
Его разбрасывают наугад
14 лет отсчитав с войны
Из плена на родину шел солдат.

Он знал, что Родина больше не ждет,
Что он в дому не имеет угла,
Что сыну стукнул шестнадцатый год,
И все же надежда его вела.

А женщины на порогах изб
Безлично давали испить воды,
Когда проносило его как лист,
И время затаптывало следы.

И книга, которую он написал,
У многих выскользнула из рук.
Он в нескольких странах себя искал.
И время сломало его, как сук.

Что поделявает Саша Орлов¹? В общем, пиши. Привет всем и Минне.

Леонид

В письмах сохранена орфография и пунктуация автора.

¹ Саша Орлов — поэт, общий знакомый по Инязу, см. воспоминания Г. Андреевой.

Леонид Чертков. Москва, 1955 г.

Подражание Черткову

С точки зренья людей —
Это строки дюфальной дельфинов.
Не поможет в беде затаенная в сумраках мгла.
Не желая и впредь отпустить от себя день единый,
Словно шпага и плащ, она будет торчать из угла.

Потому на заре не услышит кадет перекличку,
Не промчит по селу с трубачом хор веселых рубак,
Видно, скучные дни уже входят в плохую привычку.
Я тебе написал — извини — набело — просто так.

Содержание

От составителей	3
О Леониде Черткове	5
Галина Андреева. <i>Лёня Чертков</i>	6
Леонид Чертков. « <i>Этой белой осенней ночью...</i> »	10
Валентин Хромов	12
Станислав Красовицкий. <i>Памяти Друга</i>	14
Леонид Чертков. <i>Мясницкий, или Торжество справедливости</i>	19
Галина Грудзинская (Барышникова)	21
Леонид Чертков. <i>Стихи из писем-открыток</i>	22
Леонид Чертков. <i>Из лагерных писем В. Хромову</i>	24
Станислав Красовицкий. <i>Подражание Черткову</i>	35

Рассказов обо мне чуднее не придумать,
Загадки естеству труднее не задать:
Полжизни отошло. На пройденное плюнуть.
Мое искусство жить — искусство наплевать.

ЛЕОНИД ЧЕРТКОВ